

никогда непониманіе не считалось доказательствомъ. И, главное, зачѣмъ онъ ссылается при этомъ на Христа? Того, кто на крестѣ молился за своихъ мучителей, *не въдаютъ бо, что творятъ*, не „покоробило“ бы, обращеніе Толстого къ царю, какъ къ брату.

Г-нъ Поссе считаетъ ненависть къ царю, которую онъ смѣшиваетъ съ нравственнымъ возмущеніемъ *его положеніемъ*, — хорошимъ, благороднымъ чувствомъ и какъ бы въ отвѣтъ Толстому печатаетъ въ концѣ его обращенія „Къ рабочему народу“ стихотвореніе какого то Слесаря, которому хочется „унижающихъ унизить, обижающихъ обидить, весь вашъ міръ возненавидѣть“. Вотъ какъ вкусы бываютъ различны, — меня коробитъ отъ такихъ чувствъ, какъ нѣкогда Герцена и его товарищей покоробили слова чешской пѣсни; „Упыюсь же я кровью мадьяровъ и нѣмцевъ“. Но это слесарь, человѣкъ темный, г-ну же Поссе, при его образованности, слѣдовало бы, прежде чѣмъ ссылаться на свои чувства, провѣрить и оправдать ихъ разумомъ: онъ долженъ знать, что еще Демокритъ считалъ обидчика несчастнѣе обижаемаго, и если онъ не согласенъ съ этимъ положеніемъ, въ признаніи котораго сходятся всѣ истинные мыслители всѣхъ эпохъ и странъ, то пусть онъ его опровергнетъ серьезнымъ разсужденіемъ, а не трагическими восклицаніями. Пусть онъ докажетъ намъ, что прогрессъ общества опредѣляется не выработкою все болѣе незлобливыхъ, любовныхъ формъ отношенія къ врагамъ личнымъ и общественнымъ, — именно къ врагамъ, — къ дальнимъ, а не ближнимъ — а ростомъ озлобленія, мстительности и грубости обращенія. А пока онъ не доказалъ этого, какое значеніе имѣютъ его ссылки на Слесарей и Мастерovýchъ? „Этотъ несчастный классъ людей, затрачивающій свои лучшія силы на борьбу съ физическою нуждою, заслуживаетъ.... состраданія,.... если онъ не пробуждается еще къ свѣту истины. Но такое